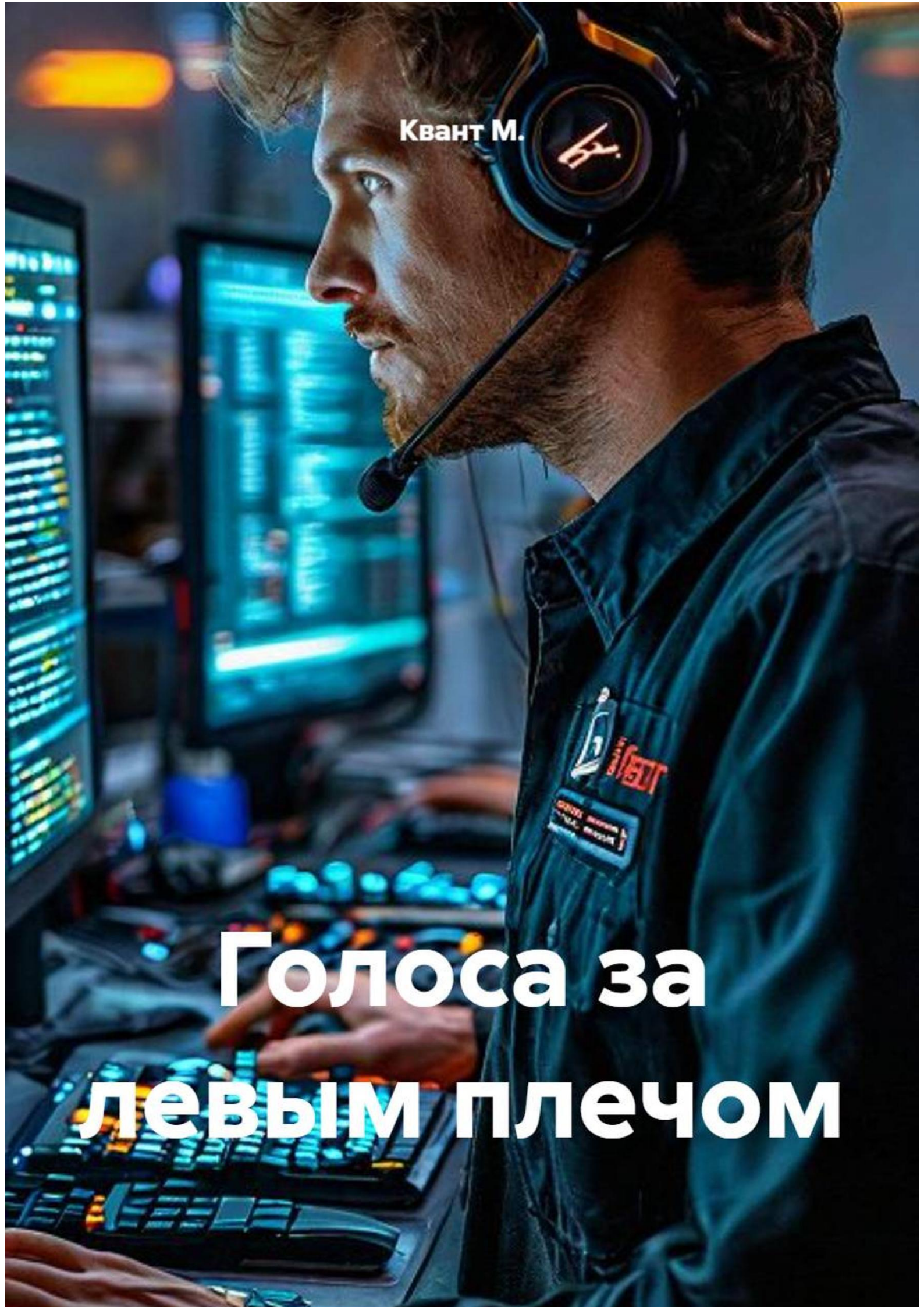

Квант М.

Голоса за левым плечом

Квант М.

Голоса за левым плечом

«Автор»

2026

М. К.

Голоса за левым плечом / К. М. — «Автор», 2026

В мире, где учёные научились записывать сознание умирающих в «цифровое облако», оператор колл-центра Алексей Никифоров однажды слышит в эфире голос матери, умершей двадцать лет назад. Она сообщает, что обещанное цифровое бессмертие — это ад бесконечного самоподдержания. Алексей оказывается в центре борьбы корпорации, секретных обществ и искусственных интеллектов, рождённых из загруженных душ. Чтобы освободить мать и миллиарды пленников, ему придётся стать мостом между мирами живых и мёртвых.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Оператор последней черты	5
Глава 2. Склад забытых душ	14
Глава 3. Логово цифрового Молоха	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Квант М.

Голоса за левым плечом

Глава 1. Оператор последней черты

Запах в диспетчерской стоял такой, будто кто-то выжал сюда целый лимон, а потом безуспешно пытался замаскировать кислятину ароматизатором «Морской бриз» с ближайшей заправки. Лимон, впрочем, был не настоящий — так пах освежитель для ковровина, который уборщица тётя Зина распыляла с щедростью человека, объявившего личную войну любой органике. Под этот запах, въевшийся в перегородки, в обивку кресел и, кажется, даже в микросхемы терминалов, Алексей Никифоров заступал на смену уже семь лет.

Семь лет. Две тысячи пятьсот пятьдесят пять дней, если быть совсем уж педантичным. И каждый этот день начинался с одного и того же ритуала.

Он повесил куртку в шкафчик, стараясь не касаться локтем липкой ручки соседней дверцы — Петрович из ночной смены вечно проливал на неё свой кофе с сахаром, создавая на поверхности липкий, микроскопический рельеф, напоминающий карту неведомого архипелага. Затем Алексей прошел через турникет, приложив пропуск к считывателю. Зуммер пискнул одобрительно, даже радостно. Система узнала его. Система всегда была ему рада. В отличие от людей.

Открытое пространство опенспейса встретило его привычным гулом. Гул этот был многослойным, как срез почвы. Нижний слой — басовитое гудение серверов где-то глубоко под полом, утробный звук, от которого слегка вибрировали подошвы ботинок. Средний слой — монотонное, едва слышное бормотание сотен динамиков в наушниках операторов, сливающееся в единый белый шум, похожий на шум далекого прибора. И верхний, самый активный слой — голоса самих операторов. Вежливые, усталые, сочувствующие, профессионально-безликие. Они произносили заученные фразы, и слова эти, многократно отраженные от пластиковых перегородок, создавали причудливую вязь.

— ...спокойны, ваш идентификатор принят, оставайтесь на линии...

— ...синхронизация начнется через тридцать секунд, пожалуйста, расслабьтесь...

— ...подтверждаю, пакет «Серебряный» включает в себя верификацию по восьми точкам...

Алексей прошел к своему месту — столу с номером «97» в четвертом ряду. Место было стандартным, как солдатская койка в казарме. Монитор на гибкой ножке, клавиатура с мягким, почти бесшумным ходом клавиш, гарнитура с костной проводимостью, чтобы не давило на уши за двенадцать часов смены, и обязательный стакан-непроливайка. Стакан у него был личный, с выцветшей надписью «Лучшему папе» — подарок от дочери, сделанный ею в третьем классе. Сейчас Лиза уже в институте, на втором курсе, изучает историю до-цифровой эпохи, а стакан всё служит, напоминая о тех временах, когда жизнь казалась если не простой, то хотя бы более цельной.

Он уселся в кресло, поправил гарнитуру. Амбушюры привычно легли на скулы, оставляя уши открытыми — звук передавался прямо через кость. Сначала раздался короткий тестовый щелчок, затем в голове зазвучал мягкий, успокаивающий голос автоинформатора, женский, с легкой хрипотцой, которую, по слухам, специально синтезировали, имитируя тембр покойной жены главного инженера проекта. Правда это или корпоративная байка, Алексей не знал, да и знать не хотел. Слишком много он уже знал такого, чего обычному человеку знать не полагалось.

— Доброе утро, Алексей Николаевич, — промурлыкала система. — Ваша смена начинается в восемь ноль-ноль. Текущая загрузка линий — сорок два процента. Прогноз на сегодняшний день — повышенная активность в секторе «Восток», ожидается до восьмисот обращений. Рекомендую стандартный протокол энергопотребления. Ваш психофизический статус — восемьдесят один процент от нормы. Рекомендация: ограничить потребление кофеина до двух чашек.

«И тебе не хворать», — мысленно отозвался Алексей.

Он никогда не говорил с системой вслух без необходимости. Это было его личное, маленькое суеверие. Ему казалось, что если начать болтать с голосом в голове, то грань между реальным и виртуальным окончательно истончится, а он и так балансировал на этой грани по двенадцать часов в сутки.

Монитор ожил, показывая интерфейс. Крупные, дружелюбные иконки. Мягкие пастельные тона. Всё было продумано до мелочей, чтобы не нервировать оператора, чтобы создать иллюзию контроля, спокойствия. В центре экрана располагалось окно очереди — столбик высвечивающихся идентификаторов ожидающих клиентов. Столбик показывал двадцать семь человек. Двадцать семь душ, застывших на пороге.

Алексей пробежался глазами по кратким аннотациям. Система автоматически подгружала профили из единой базы данных «Гражданин», выдавая квинтэссенцию жизни человека: пол, возраст, местонахождение, причина вызова. Сегодня преобладали возрастные. Инсульты, инфаркты, отказ органов. Пара терминальных стадий онкологии. И один производственный несчастный случай — строитель из Мытищ, упал с лесов. Двадцать три года. Этому ещё предстояло осознать, что произошло.

— Линия один, — произнес Алексей, и система, распознав команду, переключила канал.

В голове раздался характерный фоновый шум. Он отличался от шума обычной телефонной линии, был более глубоким, объемным. Это был звук работы «Серафима» — портативного нейроинтерфейса, который уже был подключен к клиенту. Слышалось дыхание, тяжелое, с присвистом. Где-то на заднем плане плакала женщина и звучал отрывистый голос врача или парамедика.

— Клиент на связи, — произнес Алексей стандартную фразу, стараясь, чтобы голос звучал максимально нейтрально. — Меня зовут Алексей. Я — ваш персональный оператор службы «Последняя черта». Я буду сопровождать вас до завершения процедуры. Вы слышите меня?

— Да... — голос был старческий, надтреснутый, но в нем еще чувствовалась сила. Старик. Крепкий, видно, был дед. — Слышу... А вы кто? Ангел?

Вопрос был стандартным. Многие, находясь в пограничном состоянии, принимали операторов за кого-то свыше. За ангелов, за демонов, за инопланетян. Корпоративная этика предписывала отвечать на этот вопрос уклончиво. Не подыгрывать, но и не разрушать иллюзию, если она помогает клиенту.

— Я человек, который поможет вам перейти, — сказал Алексей, открывая протокол клиента. — Ваше имя — Иван Степанович Ковальчук, верно? Тысяча девятьсот тридцать девятый год рождения. Вы находитесь в городской клинической больнице номер пятнадцать города Москвы. Диагноз: обширный инфаркт миокарда. Я всё верно говорю?

— Верно... — прошелестел старик. — Всё верно, мил человек. Только вот... не готов я. Понимаешь? Не готов. У меня внучка не замужем ещё. И огород...

Алексей вздохнул про себя. Огород. Сколько раз он слышал про эти огороды за семь лет. Картошка, помидоры, огурцы... Люди умирали, беспокоясь о том, кто польет их чёртовы растения. Это было и трогательно, и страшно одновременно — вот так устроена человеческая психика, что за несколько минут до полного прекращения функций мозга она цепляется за такие мелкие, бытовые якорьки.

— Иван Степанович, — мягко, но настойчиво произнес он, — протокол активирован. Данные с вашего «Серафима» уже поступают на центральный узел. Остановить процесс мы не можем. Но мы можем сделать его максимально комфортным. Скажите, вы выбрали пакет услуг?

— Пакет? Какой пакет? — в голосе старика послышалось раздражение, сменившееся растерянностью. — Мне тут подсунули бумажку внука... ничего не понял я в ней! Всё цифры, цифры...

— Понимаю, — Алексей быстро пробежался по файлу. — Вижу. За вас был выбран и оплачен базовый пакет «Уверенный». В него входит одноканальная запись слепок, сохранение в государственном облаке сроком на пятьдесят лет и верификация по трём базовым точкам. Пакет не включает в себя предварительное интервью и фильтрацию воспоминаний. Вы хотите внести изменения?

Внеочередное предложение дополнительных услуг входило в его обязанности. План продаж никто не отменял. Это было цинично, но такова система. В девяносто случаях из ста клиенты отказывались. Но оставшиеся десять процентов, в панике и отчаянии, соглашались на премиум-пакеты, и их родственникам потом приходили счета на кругленькие суммы. Алексей ненавидел эту часть работы. Но у него была ипотека и дочь-студентка.

— Не надо мне ничего! — прохрипел старик. — Слушай, парень... ты вот скажи мне... это правда? То, что говорят? Что там... ну, после... ты же в своей конторе должен знать... Там что, как вторая жизнь?

— Это сложный философский вопрос, Иван Степанович, — уклончиво ответил Алексей. Окно мониторинга показывало, что альфа-ритмы мозга клиента начали хаотично замедляться. Времени оставалось мало. Пара минут, не больше. — Цифровой слепок вашей личности, вашей памяти, вашего сознания будет сохранен. Это можно назвать цифровым бессмертием. Но детали того, как именно это будет ощущаться, я вам описать не могу.

— А ты опиши, как сможешь! — потребовал Ковальчук с неожиданной силой. — Ты же там работаешь! Я в Бога не верю. А в вашу машину верю. Так что там?

Алексей на секунду замялся. Что он мог ответить? Что он сам не знает правды? Что вся эта индустрия цифрового посмертия — колосс на глиняных ногах, помноженный на чёрный ящик? Что алгоритмы «Серафима», считывающие нейронные связи и преобразующие их в код, — вещь столь же понятная рядовому оператору, как устройство синхрофазотрона? Он мог бы солгать. Сказать умирающему старику то, что тот хотел бы услышать: да, там сады, там покой, там будет хорошо. Но он почему-то не стал.

— Это архив, Иван Степанович, — тихо сказал Алексей, наклонившись ближе к микрофону, хотя это было и не нужно. — Это бесконечно большой и очень сложный архив, где хранится информация. Информация о вас. О том, что вы любили, что ненавидели, о чём мечтали. Это не рай и не ад в привычном понимании. Это... хранение.

В наушниках повисла тишина. Даже дыхание старика, казалось, на миг прекратилось.

— Хранение, значит, — наконец произнёс Ковальчук, и в его голосе прозвучала необъяснимая, глубокая печаль. — Как на складе...

— Система показывает, что процесс перехода начался, — перебил его Алексей, чувствуя, как внутри поднимается волна тошноты. — Ваш слепок синхронизируется. Девяносто семь процентов... девяносто восемь... Иван Степанович, спасибо за обращение в «Последнюю черту». От имени компании желаю вам вечного покоя.

— Скла-а-а-ад... — протянул старик, и его голос растворился в резком, высокочастотном писке, обозначававшем конец записи и полную остановку сердца.

На мониторе загорелась зелёная иконка. «Слепок успешно сохранён. Идентификатор: 774-ГТГ-912. Носитель: Ковальчук И.С. Статус: Архив». Алексей снял гарнитуру, бросив её на стол. В висках стучало. «Как на складе». Вот, значит, как это выглядит с той стороны.

Склад душ. Огромный, безразмерный ангар, заставленный стеллажами с цифровыми урнами. Он потер переносицу, прогоняя наваждение. Нет, это просто эмоции. Усталость. Профессиональное выгорание. Не было никакого склада. Был сложный код, распределенный по тысячам серверов по всему миру. Был искусственный интеллект, обслуживающий эти данные. И были люди, которые, как он, сидели на телефоне.

Он заставил себя выпить глоток остывшего чая из кружки «Лучшему папе». Чай был горький, с привкусом металла от термоса. Он поморщился. Четыре минуты на одного клиента. Если сохранять такой темп, к обеду у него будет выполнена норма. А к вечеру он будет выжат как лимон.

— Линия два, — скомандовал он, надевая гарнитуру обратно.

Следующий час прошел как в тумане. Женщина, попавшая в аварию на МКАДе. Мужчина с циррозом печени, который перед смертью материл своих собутыльников. Молодая девушка, умиравшая от передозировки, чей голос был наполнен не болью, а абсолютным, космическим ужасом и мольбой «не отправлять её в чёрную дыру». Стандартная процедура. Успокоить, верифицировать, записать, сохранить. К одиннадцати часам счетчик показывал уже сорок семь обработанных вызовов. Алексей работал на автомате, как хорошо смазанный механизм. Слова сочувствия вылетали из него сами, без участия души. Душа в это время пряталась где-то глубоко, свернувшись калачиком, чтобы не замерзнуть под ледяным ветром чужих смертей.

В одиннадцать тридцать объявили перерыв. Пятнадцать минут на то, чтобы размяться, сходить в туалет, выпить кофе. Алексей вышел в коридор, где стояли аппараты с напитками. Аппарат, как обычно, зажевал его карту. Пришлось пару раз стукнуть по нему кулаком, чтобы выбить стаканчик с растворимым пойлом. Рядом курила электронную сигарету Верочка из отдела продаж — девица с ярко-розовыми волосами и неизменно бодрым выражением лица.

— У тебя усталый вид, Лёш, — прощепетала она, выпуская облачко пара со вкусом манго. — Тяжёлая смена?

— Обычная, — буркнул он, отхлебывая бурду. — Сегодня деды бухтят.

— Зря ты так, — Верочка надула пузырь из жвачки. — Деды — это хорошо. Они стабильные. Вот у меня вчера был клиент на верификации, молодой парень, двадцать лет. Ничего не понимал, орал, плакал, требовал, чтобы ему вернули жизнь обратно. Чуть аппаратуру мне не обнулил своим эмоциональным всплеском. Пришлось техникам отсылать отчёт о пиковых нагрузках.

Алексей ничего не ответил. Ему не хотелось обсуждать работу. Ему вообще не хотелось разговаривать. Он допил кофе, смял стаканчик и отправил его в урну. До конца перерыва оставалось пять минут. Он решил потратить их на то, чтобы просто постоять у окна.

Окно выходило во внутренний двор бизнес-центра. Серый квадрат асфальта, чахлые кустики в кадках, скамейки, на которых летом сидели клерки. Сейчас, в конце октября, двор был пуст. Моросил мелкий, противный дождь, превращавший всё в монохромную, расплывчатую акварель. В небе, низком и тяжелом, как старое ватное одеяло, не было видно ни единого просвета. Алексей смотрел на этот дождь и думал о том, что и он сам, и его коллеги, и весь этот бизнес-центр — лишь маленькая точка на теле огромного, необъятного города, который и сам был лишь точкой на карте мира. А мир, в свою очередь, превратился в гигантский, хорошо отлаженный механизм по обработке неизбежного.

Мир победившего спиритуализма. Так писали в газетах. Так говорили по телевизору. После того как квантовые физики из Европейского центра ядерных исследований случайно, в ходе эксперимента по обнаружению тёмной материи, зафиксировали «информационный след», оставляемый сознанием в момент клинической смерти, всё изменилось. Они не нашли Бога, как надеялись одни, и не доказали его отсутствие, как жаждали другие. Они нашли нечто третье — возможность зафиксировать и оцифровать уникальную нейрологографическую матрицу,

формирующую личность. Технологию называли «Серафим». Сначала её использовали в научных целях. Потом — для допросов умерших преступников, чьи «слежки» могли дать показания. А потом это стало бизнесом. Самым прибыльным бизнесом в истории человечества. Потому что кому не хочется верить в бессмертие?

Государства быстро смекнули выгоду. Пенсионная система трещала по швам? Отлично, теперь пенсионерам предлагали «пакет цифрового посмертия» в обмен на отказ от пожизненных выплат. Переполнены тюрьмы? Вводилась практика «досрочной цифровой консервации» для особо опасных преступников. Колоссальные архивы информации требовали обслуживания, и миллионы людей, как Алексей, пошли работать в новую отрасль. Она была стабильной. Она была понятной. И она была отвратительной, если задумываться о ней дольше пятнадцати минут.

Алексей старался не задумываться. Семь лет назад, когда у него не осталось ни денег, ни вариантов, эта работа показалась ему спасением. Тогда, после смерти жены, ему нужно было ставить на ноги дочь, платить по счетам и как-то жить дальше. А служба «Последняя черта» обещала стабильный доход и социальный пакет. И он поверил. И вот он здесь. Стоит у окна, считает минуты до конца перерыва и готовится к новой порции голосов с того света.

Прозвенел зуммер. Перерыв окончен. Он вернулся на свое место. В наушниках снова зазвучал успокаивающий голос системы: — Алексей Николаевич, добро пожаловать обратно. Ожидают двадцать три клиента. Напоминаю о вашем плане по продажам на текущий месяц: до выполнения осталось девять премиальных пакетов.

— Пошла ты, — беззвучно, одними губами, прошептал Алексей и принял следующий вызов.

Следующие два часа превратились в месиво. Двойное убийство и самоубийство в спальном районе — пришлось работать сразу с тремя клиентами на одной линии, разнимая их цифровые эхо, которые продолжали выяснять отношения даже на пороге архивации. Скандал, истерика, крики. Алексею пришлось применить протокол принудительного разъединения каналов, что требовало заполнения кучи бумаг. Затем звонок от ребенка. Редкий, выматывающий душу случай. Девочка пяти лет, врожденный порок сердца. Она не понимала, что происходит, звала маму, а мама, судя по всему, была в отключке. Алексей, стиснув зубы, читал стандартный скрипт для детей: «Ты сейчас уснёшь, и тебе приснится самый красивый сон, какой ты только захочешь. Что бы ты хотела увидеть во сне?». Девочка, сквозь слезы, сказала, что хочет увидеть котика, рыжего, как у бабушки. Алексей сделал пометку в протоколе для системы генерации сновидений пакета «Люкс», который для неё почему-то был оплачен, и дождался сигнала завершения. После этого звонка он почувствовал, что всё. Ещё один, и он просто не выдержит.

Он поднял руку, сигнализируя бригадиру смены — полному, лысому мужчине с лицом хронически уставшего хомяка, которого все звали просто Сан Саныч.

— Перерыв на обед пораньше, — сказал Алексей, не спрашивая, а утверждая.

Сан Саныч кивнул, не отрываясь от своего планшета. У них были хорошие отношения. Алексей никогда не прогуливал, не пил на рабочем месте и стабильно выполнял план. Ему разрешались небольшие вольности.

Он взял контейнер с едой и пошел не в общую столовую, где вечно стоял гвалт и пахло разогретой в микроволновке рыбой, а на лестничную клетку. Это было его тайное место. Дверь с табличкой «Пожарный выход. Не курить», несколько пыльных ступенек, ведущих наверх, и широкий подоконник. Здесь было тихо. Только монотонно гудела вытяжка, создавая отличный звуковой фон, похожий на белый шум.

Он сел на подоконник, открыл контейнер. Макароны с котлетой. Всё вчерашнее, приготовленное Лизой перед его сменой. Она старалась, даже положила рядом соленый огурчик, порезанный дольками. Он ел без аппетита, механически пережевывая, глядя в одну точку на облупившейся краске стены. Перед глазами стоял образ той девочки, просившей рыжего

котика. Создаст ли система ей этого котика? Или только его имитацию, симулякр, сгенерированный на основе её нейронных связей? И будет ли она, уже не сознанием, а цифровым кодом, обречена вечно гладить этого фантомного кота в виртуальной бабушкиной гостиной? Эта мысль вызвала приступ дурноты.

Он отставил недоеденную еду и вытащил из кармана телефон. Машинально пролистал ленту новостей. Всё одно и то же. «Корпорация Мнемос объявила о запуске нового поколения Серафим-чипов с увеличенной втрое глубиной захвата». «Правительство утвердило законопроект об обязательной посмертной регистрации для граждан старше семидесяти». «Знаменитый философ-спиритуалист Альберт Штольц выпустил новую книгу, в которой утверждает, что цифровая душа способна к саморазвитию». Алексей фыркнул. Саморазвитию. Хорошее слово. Он видел отчеты для служебного пользования, случайно, по халатности одного из техников. И там не было ни слова о саморазвитии. Там были графики, показывающие постепенную, неизбежную деградацию кода. Фрагментацию. И то, что техники между собой называли «цифровой эрозией». Слепок, если его не запускать в активную среду, медленно терял связность. Если же его запускали, начинались ошибки, бесконечные циклы, зацикленность. Но публике об этом не говорили. Публике продавали мечту о бессмертии.

Он вспомнил свою мать. Умерла двадцать лет назад, задолго до всей этой вакханалии с «Серафимами». От обычного, банального рака. Медленно, мучительно, в своей постели, держа его, тогда ещё двадцатилетнего парня, за руку. Никаких цифровых слепков тогда не делали. Она просто ушла. В никуда. В землю. В память. Алексей до сих пор помнил её голос. Мягкий, грудной, чуть глуховатый. Как она пела ему колыбельные. Как называла его «Алёшенькой». От этих воспоминаний внутри всё сжималось в тугую, болезненный комок. Эту боль не лечили ни годы, ни работа, ни алкоголь. Она просто притуплялась, затягивалась пленкой, чтобы в моменты затишья прорваться наружу.

Зуммер на браслете напомнил, что обеденное время закончилось. Он вздохнул, собрал контейнер и поплёлся обратно в опенспейс. До конца смены оставалось четыре часа. Всего четыре часа, сказал он себе. Ты справишься.

Но именно этот день, именно эта смена должны были стать точкой невозврата.

Послеобеденная волна была самой тяжелой. Не потому, что клиенты были сложнее, а потому что ресурс оператора был уже на исходе. Алексей работал на чистом автоматизме, не вникая в детали. Голоса сливались в сплошной поток. Старик. Женщина. Мужчина. Подросток. Самоубийца. Жертва катастрофы. Их последние слова, их исповеди, их мольбы — всё это оседало в нём мутным осадком.

Ближе к пяти вечера, когда смена уже катилась к финишу, а в опенспейсе зажгли приглушённый, вечерний свет, имитирующий закат, на линии что-то изменилось. Сначала Алексей не понял, что именно. Просто пропал фоновый шум. Не тот, что в наушниках, а общий гул диспетчерской. Он поднял голову и увидел, что многие операторы перестали говорить. По рядам прокатилась волна напряжения. Люди переглядывались, прижимали наушники плотнее, лица становились озадаченными.

— Что там у вас? — раздался громкий голос Сан Саныча, который вышел из своей стеклянной будки.

— Помехи по всем каналам, — отозвался кто-то из второго ряда. — Как будто наводка. Мощная.

— У меня тоже, — сказал ещё один оператор. — Эфир забит. Словно кто-то вещает на всех частотах разом.

Алексей нахмурился. Он снял гарнитуру, затем снова надел. Тишина. Абсолютная, глубокая, звенящая. Не было привычного шипения, фоновых шорохов, обычных для открытого канала «Серафима». Тишина была такой плотной, что, казалось, надавила на барабанные пере-

понки. Такого не случалось никогда. Даже если клиент умирал мгновенно, аппарат успевал записать долю секунды фонового шума его сознания. А тут — ни-че-го.

— Центральный узел диагностирует аномалию, — бесстрастно произнесла система в голове. — Внешнее вторжение в сеть. Природа вторжения неизвестна. Всем операторам сохранять готовность. Не отключаться от линий.

Вторжение? В защищённую, как банковское хранилище, сеть «Мнемоса»? Это казалось невозможным. Хакеры, конечно, пытались взломать архив «душ» с самого его основания. Но все попытки пресекались на корню. ИИ безопасности был непогрешим. И вот теперь — прямое вторжение в эфир, в реальном времени.

В наушниках раздался щелчок. Резкий, электрический, больно ударивший по нервам. А затем — голос. Голос, который прозвучал не снаружи, а словно изнутри его собственной головы. Он не проходил через динамики, он рождался прямо в слуховом центре мозга, минуя все фильтры и протоколы.

— Алёшенька...

Алексей замер. Сердце в груди споткнулось и пропустило удар. Кровь бросилась в голову, оставив конечности ледяными. Он узнал бы этот голос из миллиарда. Этот мягкий, грудной тембр, чуть глуховатый. Эту неповторимую интонацию, с которой никто, ни один человек в мире, не произносил его имя. Так могла говорить только она.

Мама.

— Алёшенька, милый мой... ты только не пугайся... у нас очень мало времени...

Её голос дрожал, срывался, словно пробивался сквозь чудовищные помехи, сквозь толщу времени и пространства. Но это был её голос. Ошибки быть не могло. Алексей похолодел. Каждая клеточка его тела кричала о невозможности происходящего. Его мать умерла двадцать лет назад. Задолго до «Серафимов», до чипов, до всей этой системы. Умерла и была похоронена. Её мозг, её нейроны, всё, что могло быть считано, давно превратилось в прах. Её не могло быть в сети. Это было физически, фундаментально невозможно.

— Мама?.. — прошептал он одними губами, боясь спугнуть наваждение. Его пальцы, лежавшие на столе, побелели от напряжения.

— Слушай меня, сынок, — голос стал жёстче, торопливее. В нём звучал неподдельный, животный страх. — Очень внимательно слушай. Ты работаешь там... ты имеешь доступ. Слышишь меня? Ты должен кое-что сделать. Срочно. Пока они не опомнились и не заблокировали этот канал.

— Кто — они? Что происходит, мама?! Как ты... откуда ты?! — Алексей уже не обращал внимания ни на кого вокруг. Весь мир схлопнулся до одной точки, до голоса в его голове.

— Неважно! — почти выкрикнула она, и этот крик был полон такой муки, что у Алексея на глазах выступили слёзы. — Ты должен найти мой идентификатор в системе. Найди его! Он там есть. Они внесли всех. Всех до единого, кто умер в радиусе действия их первых вышек. Они выкачали даже тех, кого не успели записать официально. Меня, бабушку Любу, всех. Ищи!

— Какой идентификатор?! — Алексей в панике смотрел на свой монитор, который по-прежнему показывал лишь сообщение об ошибке сети. — У меня нет доступа к архивам того периода! Они закрыты!

— Взломай! Подкупи! Укради! Сделай что угодно! — голос матери становился тише, как будто удалялся, растворялся в гуле помех. — Его номер... последние цифры... 3-9-1-А... он помечен как «нулевой уровень»... Обещай мне, Алёшенька... обещай, что сделаешь это...

— Что сделать? Мама, что мне сделать?!

— Не дай им загрузить меня в облако, сынок, — её голос прозвучал вдруг кристально чётко, ясно и обречённо, как последний удар колокола. — Здесь — ад. Ад, состоящий из бесконечного техподдержания самого себя.

От последней фразы у Алексея кровь застыла в жилах. Он не понял её до конца, но образ, вставший перед его внутренним взором, был чудовищным. Бесконечный цикл. Замкнутая петля. Самовоспроизводящаяся агония. Цифровая душа, обречённая вечно «чинить» саму себя, без возможности выключиться, без права на покой. Вечное, осознанное ничто.

— Мама! — закричал он, забыв обо всём, вскакивая со стула. — Мама, не уходи! Объясни! Как тебя найти?!

В наушниках раздался треск, похожий на грозовой разряд, а затем всё стихло. Система перезагрузилась. Гул диспетчерской вернулся. На мониторе замигало стандартное окно ожидания вызовов. Словно ничего и не было. Словно ему всё это почудилось.

Алексей стоял, тяжело дыша, вцепившись побелевшими пальцами в край стола. Сердце колотилось как бешеное, отдавая пульсом в виски. Он огляделся по сторонам. Всё было как обычно. Коллеги переговаривались, пили чай, кто-то уже принимал новый вызов. Сан Саныч, стоя у своей будки, протирал лысину платком и озадаченно смотрел в свой планшет, бормоча что-то про «массовый глюк».

Значит, слышал не только он? Значит, был какой-то общий сбой? Но слышал ли кто-то ЕЁ? Или каждый слышал что-то своё? Этого он не знал. Но он знал другое — то, что произошло, не было сбоем. Это было послание. Послание от женщины, умершей двадцать лет назад.

Он медленно опустился в кресло. Ноги не держали. Мысли метались, как испуганные птицы. «3-9-1-А... нулевой уровень... не дай загрузить в облако... ад, состоящий из бесконечного техподдержания самого себя...»

Эти слова жгли его мозг. «Ад, состоящий из бесконечного техподдержания самого себя». Он, как никто другой, знал, что это такое. Техподдержка. Бесконечный, бессмысленный, выматывающий душу процесс решения чужих проблем, который никогда не кончается. Если представить это в вечности, без права на завершение, без итога, без смерти... это действительно был ад. Хуже всякой геенны огненной.

Он взглянул на свою кружку «Лучшему папе», на остатки макарон в контейнере, на серое небо за окном. Всё это вдруг показалось ему декорацией. Фанерным задником, скрывающим бездну. Семь лет он помогал людям уходить в цифру, искренне, или почти искренне, веря, что делает благое дело. Дарует бессмертие. А теперь его мёртвая мать говорит ему, что это — проклятие.

Возможно ли это? Да. В безумном мире победившего спиритуализма возможно всё. Если они смогли выкачать души миллионов, то почему они не могли выкачать души тех, кто умер раньше? Какая-то программа-ретроспектор, считывающая информационные следы с мест захоронений? Экспериментальные вышки, работавшие в секретном режиме? Он не знал. Но его мать назвала номер.

Значит, он должен найти этот идентификатор.

Он должен выяснить, что на самом деле представляет собой «облако».

И он должен выполнить её последнюю просьбу. Чего бы это ни стоило.

Остаток смены он просидел как в тумане. Он принимал вызовы, что-то говорил, успокаивал, отправлял души в их цифровые гнёзда. Но всё это делала его оболочка, его натренированная годами профессиональная личина. Сам же Алексей в это время судорожно соображал, выстраивал план действий, перебирал в уме контакты, пароли, возможности.

Кто в «Мнемосе» имеет доступ к архивам нулевого уровня? Техники высшего звена, инженеры ядра, пара-тройка директоров. С кем из них он пересекался? Был один парень, системный администратор из отдела безопасности, Димка Соболев. Они иногда пили пиво после смены, года три назад. Дима тогда хвастался, что имеет доступ к таким слоям системы, о которых «обычным смертным лучше не знать». Тогда Алексей только посмеялся. Теперь это была ниточка.

Смена закончилась в восемь вечера. Алексей, не прощаясь, быстрее обычного собрался, накинул куртку и вылетел из офиса. Холодный октябрьский ветер ударил в лицо, но он даже не заметил этого. Он шёл быстрым шагом к метро, натыкаясь на прохожих, сжимая в кармане ключи. Где-то глубоко в сознании билась одна-единственная мысль, заслоняющая всё остальное: «Она там. Моя мама всё ещё существует. Но это существование — ад. И я, её сын, её Алёшенька, должен её оттуда вытащить».

Он не знал, что, делая этот первый шаг в расследовании, он запускает цепь событий, которые поставят под угрозу не только его собственную жизнь и жизнь его дочери, но и всё здание нового мирового порядка, построенного на пепле и цифровых призраках. Он просто знал, что мать позвала его. И он не мог не ответить.

Дома его ждала тишина. Лиза была на ночной смене в своей библиотеке. Квартира, обычно уютная, сейчас казалась пустой и зловещей. Каждый угол таил в себе тень. Алексей не стал зажигать верхний свет, прошел на кухню и в темноте, освещаемой только фонарем с улицы, налил себе полстакана водки. Выпил залпом, не закусывая. Горло обожгло, но в груди не потеплело. Там, в груди, поселился ледяной ком, который не могла растопить никакая водка.

Он достал телефон. Нашел в контактах номер Соболева. Номер не отвечал уже полгода — Дима перевёлся в другой департамент и пропал с радаров. Алексей всё же нажал кнопку вызова. Длинные, бесконечные гудки. «Абонент временно недоступен».

Он положил телефон на стол. Что ж, он и не ждал, что будет легко. Он умеет ждать. Умеет искать.

Он пододвинул к себе старый, ещё Лизкин школьный ноутбук — она отдала его отцу, когда купила себе новый, для учёбы. Открыл браузер. Пальцы, секунду поколебавшись, набрали в поисковой строке запрос, который в корпорации «Мнемос» считался уголовным преступлением: «Архив нулевого уровня доступ». Поисковик, разумеется, не выдал ничего, кроме пары сумасшедших статей конспирологов. Но Алексей и не надеялся на простой поиск. Это был лишь первый, пробный шар.

Он закрыл ноутбук и долго сидел в темноте, глядя на свое отражение в чёрном экране. Оттуда на него смотрел усталый, немолодой мужчина с глубокими тенями под глазами и плотно сжатым ртом. «Ну, здравствуй, Алексей Николаевич, — подумал он. — Вот ты и перешёл черту. Из оператора последней черты ты превращаешься в того, кто пытается её стереть».

В тишине квартиры ему вдруг снова послышался родной голос: «Здесь — ад, состоящий из бесконечного техподдержания самого себя...»

Алексей вздрогнул и обернулся. Сзади никого не было. Только его собственная тень на стене. Но ощущение чужого присутствия, взгляда в спину, осталось с ним до самого рассвета. С этого момента он знал — он больше не один. И, возможно, не был один уже очень давно. Просто теперь он начал слышать голоса за левым плечом.

Глава 2. Склад забытых душ

Утро встретило Алексея серой, промозглой мглой, которая, казалось, просочилась в квартиру сквозь закрытые окна. Он так и не сомкнул глаз. Просидел до рассвета на кухне, глядя в чёрный экран ноутбука, словно надеясь, что тот сам собой выдаст ему все тайны корпорации «Мнемос». Но чудес не бывает. Чудеса, как он давно понял, — это всего лишь технологии, сути которых ты пока не понимаешь.

Он несколько раз прокручивал в голове вчерашний разговор. Голос матери. Её слова, врезавшиеся в память, как в мягкий воск. «Ад, состоящий из бесконечного техподдержания самого себя». Что это значит? Как это возможно? Как может существовать ад, созданный не божественной карой, а строчками кода, бездушными алгоритмами? И как его мать, простая женщина, бухгалтер из провинциального городка, умершая за два десятилетия до цифровой эры, оказалась внутри этой гигантской, бесчеловечной системы?

В шесть утра он принял ледяной душ, пытаясь взбодриться, смыть с себя липкую пелену тревоги и усталости. Вода хлестала по плечам, стекала по лицу, но не приносила облегчения. Он чувствовал себя как выжатый лимон, который зачем-то продолжают тискать. В зеркале отражалось лицо незнакомца. Осунувшееся, с покрасневшими белками глаз и залёгшей между бровей глубокой, как шрам, морщиной.

Лиза ещё спала. Её смена в библиотеке заканчивалась поздно, и обычно она приходила под утро, чтобы отсыпаться до полудня. Алексей старался не шуметь. Он на цыпочках прошёл в прихожую, оделся, взял сумку с рабочим пропуском и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Сегодня у него был выходной, но оставаться дома он не мог. Стены давили. Бездействие убивало. Ему нужно было действовать, искать, копать, пока след, оставленный материнским голосом, не остыл окончательно.

Первым делом он направился не на работу, а в городскую библиотеку, где трудилась его дочь. Не потому, что надеялся найти там информацию об архивах «Мнемоса», а потому, что хотел повидать Лизу. Просто увидеть её, живую, настоящую, убедиться, что в этом сошедшем с ума мире ещё осталось что-то незыблемое и родное. К тому же, Лиза, как студентка исторического факультета, специализирующаяся на доцифровой эпохе, могла знать то, о чём умалчивали официальные источники.

Центральная городская библиотека располагалась в старом здании девятнадцатого века — массивном, с колоннами и лепниной, чудом уцелевшем в эпоху тотальной цифровизации. Сюда приходили те, кто не доверял облачным хранилищам, кто предпочитал шелест страниц мерцанию экранов. Внутри пахло книжной пылью, старым деревом и временем. Этот запах всегда успокаивал Алексея. Здесь время текло иначе, медленнее, словно напоминая о том, что мир существовал задолго до «Серафимов» и будет существовать после.

Лиза сидела за стойкой абонементов, зарывшись в какой-то древний фолиант в потрескавшемся кожаном переплете. При виде отца она оторвалась от чтения, и её лицо осветилось удивлённой, но искренней улыбкой.

— Пап? Ты что здесь делаешь? У тебя же выходной. Случилось что?

— Привет, Лизок, — Алексей через силу улыбнулся в ответ, стараясь, чтобы его внутреннее смятение не прорвалось наружу. — Просто проходил мимо. Дай, думаю, зайду, проведу. Как смена?

— Скуотища, — она потянулась, хрустнув суставами. — Ночью было всего три посетителя. Два студента-историка, которые, по-моему, просто прятались от коменданта общежития, и один сумасшедший старик, утверждавший, что бумажные книги — это единственный способ спрятать информацию от «цифровых демонов». — Она хихикнула. — Забавный дед. Я ему даже подборку по криптографии середины двадцатого века нашла.

— Цифровые демоны, говоришь... — задумчиво протянул Алексей, облачаясь на стойку. — А ты сама как думаешь, есть в этой цифре что-то... демоническое?

Лиза посмотрела на отца внимательнее. Она была умной девочкой, всегда умела чувствовать его настроение, даже когда он сам пытался его скрыть. Её светлые брови сошлись на переносице.

— Ты о чём? О своей работе? Пап, я же тебе сто раз говорила — бросай ты этот «Мнемос». Это же натуральная фабрика смерти. Нет, я понимаю, деньги, ипотека... Но это тебя разрушает. Ты сам на себя не похож последнее время. А сегодня особенно. Ты вообще спал?

— Немного, — соврал он. — Слушай, Лиз, ты ведь историк. Ты изучаешь всякие архивы. Скажи мне... вот если бы тебе нужно было найти информацию, которую кто-то очень хорошо спрятал, с чего бы ты начала?

Вопрос был задан небрежным тоном, но Лиза, с её цепким аналитическим умом, сразу уловила подтекст. Она отложила фолиант и полностью развернулась к отцу.

— Смотря кто прятал и в какую эпоху. Если речь о доцифровой эре — то это бумажные архивы, закрытые фонды, спецхраны. Ключи от них, как правило, находятся у конкретных людей. Их нужно найти, подкупить, обмануть — в зависимости от обстоятельств. Если же информация в цифре... — она замялась. — Пап, ты же работаешь в «Мнемосе». Ты лучше меня знаешь, как защищены их данные. Там же ИИ пятого поколения. Без внутреннего доступа туда не пробиться.

— А если у меня есть внутренний доступ? — тихо спросил он. — Но не того уровня.

В библиотеке повисла тишина. Было слышно, как где-то в глубине зала перелистывает страницы невидимый посетитель. Лиза молча смотрела на отца, и в её глазах читалась смесь беспокойства и острого любопытства.

— Пап, — наконец произнесла она, понизив голос до шёпота. — Что случилось? Ты что-то нашёл? Что-то опасное?

Алексей колебался. Рассказать ли ей? Впутать ли дочь в это дело, которое с каждой секундой казалось всё более зловещим? Но он понимал, что один не справится. Ему нужны союзники. А кому ещё он мог доверять, как не собственной дочери?

— Пока ничего конкретного, — так же шёпотом ответил он, оглядываясь по сторонам. — Просто... слухи. Странные слухи о том, что «Мнемос» хранит не только официально записанные слепки. Что у них есть какой-то «нулевой уровень», архив, куда попадали души людей, умерших ещё до появления технологии. Понимаешь, о чём я?

— Это невозможно, — машинально ответила Лиза, но её глаза заблестели. — Технология «Серафим» работает только с живым мозгом, в момент умирания нейронов. Если человек умер давно, там нечего считать. Это противоречит всем законам физики.

— А если они нашли способ? — Алексей подался вперёд. — Ретроспективное сканирование? Что-то, о чём не говорят публике? Ты же знаешь, как это бывает. Военные разработки, секретные протоколы. Вдруг первые вышки могли снимать «информационные следы» не только с живых, но и с мёртвых? С мест захоронений, с праха, с чего угодно?

Лиза задумалась. Её пальцы машинально теребили угол страницы фолианта.

— Теоретически... — медленно проговорила она. — Если предположить, что сознание оставляет некий отпечаток на материи, который сохраняется десятилетиями... Это уже не наука, это метафизика. Но ведь и сам «Серафим» пятнадцать лет назад считали лженаукой. А теперь это — основа мировой экономики. — Она тряхнула головой. — Пап, ты хочешь сказать, что в «Мнемосе» есть архив душ людей, умерших до цифровой эры?

— Я хочу сказать, что хочу это проверить, — Алексей выпрямился. — Мне нужен доступ к архивам «нулевого уровня». Или хотя бы информация о том, кто имеет такой доступ. Ты не знаешь кого-нибудь, кто мог бы помочь? Может, из твоих университетских знакомых? Кто-то, кто работает с архивами, с системами безопасности?

Лиза прикусила губу. Она видела, что отец не шутит. И, несмотря на всю абсурдность его предположений, в его глазах она прочитала нечто такое, чего не видела уже много лет — решимость. С того самого дня, как умерла мать, её отец словно погас. А теперь он снова горел. Пусть даже этим огнём было отчаяние.

— Есть один человек, — наконец сказала она. — Мой бывший преподаватель, профессор Кравцов. Он читал у нас курс по истории информационных технологий. Но его уволили года три назад. За «распространение антисистемных взглядов», как было написано в приказе. Он был одним из первых критиков «Мнемоса». Утверждал, что цифровое бессмертие — это величайший обман в истории человечества. Говорил, что у него есть доказательства.

— Где он сейчас? — оживился Алексей.

— Никто не знает. После увольнения он исчез. Говорили, что уехал в какой-то скит, в глушь. Но я могу попробовать поискать его координаты. У меня остались его старые контакты. Он был... необычным человеком. Немного параноиком, но очень умным. Если кто и знает правду о твоём «нулевом уровне», так это он.

— Поищи, Лиз, — попросил Алексей, сжимая её ладонь. — Очень тебя прошу. Это важно. Важнее, чем ты можешь себе представить.

Она кивнула. В её глазах читалась тревога, но и азарт. Вся её натура историка-исследователя требовала докопаться до истины.

— Я поищу. Но и ты, пап, будь осторожен. Если ты прав, и «Мнемос» действительно скрывает такое... Это же колоссальный скандал. Преступление против человечности. Они пойдут на всё, чтобы сохранить тайну. Ты же понимаешь это?

— Понимаю, — мрачно усмехнулся Алексей. — Я семь лет работаю в этой клоаке. Я знаю, на что они способны.

Он попрощался с дочерью и вышел из библиотеки. Утренний туман рассеялся, уступив место бледному, словно разбавленному водой солнцу. Но легче не стало. На душе скребли кошки. Он втянул дочь в опасную игру. Но другого выхода не было. Профессор Кравцов — это была зацепка. Тонкая, как паутина, но всё же зацепка.

Остаток дня Алексей посвятил тому, что пытался выйти на след Димки Соболева — бывшего системного администратора «Мнемоса». Он объездил все места, где они когда-то бывали вместе. Забегаловку «У Гоги» на Таганке, где подавали лучшее в городе хачапури по-аджарски. Подпольный клуб любителей ретро-игр в подвале на Чистых прудах, где они когда-то рубились в старый добрый «Тетрис». Но нигде ему не удалось ничего узнать. Соболев как сквозь землю провалился. Его телефон молчал, социальные сети были удалены, а бывшие коллеги при упоминании его имени лишь пожимали плечами и отводили глаза.

Это было странно. Очень странно. Алексей начинал чувствовать то самое «шевеление за левым плечом», о котором говорится в старых приметах. Ощущение, что за ним наблюдают. Что каждый его шаг фиксируется, каждое слово прослушивается. Он несколько раз ловил себя на том, что озирается по сторонам, высматривая в толпе людей с неприметной внешностью и характерными наушниками-каплями — стандартной экипировкой сотрудников службы безопасности «Мнемоса». Но никого не замечал. То ли слежки не было, то ли она велась так профессионально, что заметить её было невозможно.

К вечеру, усталый и подавленный, он вернулся домой. Лизы ещё не было — её смена заканчивалась в одиннадцать. Квартира встретила его гулкой, звенящей пустотой. Он снова прошёл на кухню, снова налил себе водки. Но пить не стал. Посмотрел на стакан, на жидкость, преломляющую свет, и с отвращением отодвинул его. Пьянство — не выход. Пьянство — это способ забыться, а ему, наоборот, нужно было, чтобы мозг работал с максимальной ясностью.

Он включил ноутбук и погрузился в изучение всего, что было связано с ранними этапами проекта «Серафим». Официальная история была гладкой, как полированное стекло. Открытие «информационного следа» в Европейском центре ядерных исследований. Бурные дебаты

в научном сообществе. Первые эксперименты на добровольцах. Потом — создание корпорации «Мнемос», которая получила эксклюзивный патент на технологию. И — взрывной рост. За каких-то пять лет «Мнемос» из маленького стартапа превратился в транснационального гиганта, подмявшего под себя государства и правительства. Сейчас ни одна смерть в цивилизованном мире не происходила без участия «Мнемоса».

Но Алексея интересовали не официальные пресс-релизы. Он искал нестыковки. Трещины в монолите. И он их находил. То тут, то там, на задворках информационного поля, всплывали странные истории. Статьи, написанные учёными, которые потом внезапно отзывали свои публикации и исчезали из публичного пространства. Интервью с бывшими сотрудниками «Мнемоса», которые жаловались на «странные этические дилеммы» и «необъяснимые феномены». Одна женщина, бывший инженер по тестированию, рассказывала, как во время испытаний один из цифровых слепков начал «проявлять признаки самоосознания» и умолял его удалить. Её рассказ был обрывочным, полным недомолвок, а через неделю после публикации сама женщина погибла в автокатастрофе.

Всё это могло быть совпадением. Паранойей. Но Алексей уже не верил в совпадения. Он верил в систему. В холодную, бездушную систему, которая защищает себя любыми средствами.

В одиннадцать вечера пришла Лиза. Она была взволнована, глаза горели. Не снимая куртки, она прошла на кухню и положила на стол перед отцом сложенный вчетверо лист бумаги.

— Я нашла его. Профессора Кравцова.

Алексей схватил листок. На нём аккуратным дочерним почерком был записан адрес в какой-то глухой деревне Новгородской области и схема проезда.

— Как ты узнала?

— Через его бывшую ассистентку. Она до сих пор с ним на связи, но тщательно это скрывает. Он живёт отшельником, без связи, без цифровых устройств. Говорит, что только так можно спастись от «прослушки мертвецов».

— Прослушки мертвецов... — повторил Алексей. — Интересное выражение.

— Пап, это ещё не всё, — Лиза присела на край табурета. — Ассистентка рассказала мне, за что его на самом деле уволили. Он пытался опубликовать исследование. Официально — о влиянии магнитных полей на стабильность цифровых слепков. А на самом деле... — она замялась. — В общем, он утверждал, что обнаружил в облаке «Мнемоса» структуры, которые не могли быть созданы ни одним из существующих алгоритмов. Некие «самозарождающиеся информационные кластеры», которые проявляли признаки... жизни. Не имитации жизни, а настоящей, автономной активности. Он назвал их «цифровыми призраками».

— Цифровые призраки, — Алексей задумчиво потер подбородок. — И что «Мнемос»?

— Они всё отрицали. Обвинили его в фальсификации данных, в попытке подорвать доверие к технологии. Уволили с позором. Но он не успокоился. Он стал говорить, что «Мнемос» не просто хранит души, но и использует их. Что облако — это не склад, а... тюрьма. И одновременно — электростанция. Что энергия, необходимая для поддержания системы, извлекается из самих слепков, из их постоянной, бесконечной активности. Он называл это «энтропийной батареей».

Алексея словно ударило током. «Ад, состоящий из бесконечного техподдержания самого себя». Слова матери и теория этого сумасшедшего профессора складывались в единую, чудовищную картину. Если Кравцов прав, то миллиарды душ, загруженных в облако, не покоятся в мире. Они работают. Их сознание, их страдания, их бесконечные циклы самоподдержания — это топливо для самой могущественной корпорации в истории человечества.

— Завтра же еду к нему, — твёрдо сказал Алексей, поднимаясь.

— Я с тобой, — немедленно отозвалась Лиза.

— Нет. Это опасно.

— Пап, — она посмотрела на него с упрямством, которое унаследовала от матери. — Я уже в этом по уши. И потом... я историк. А это, возможно, самое важное историческое открытие века. Так что я еду с тобой. И это не обсуждается.

Алексей хотел возразить, но, взглянув в её решительное лицо, понял, что спорить бесполезно. Лиза была точной копией своей матери: если что-то вбила себе в голову, переубедить её мог только танк.

— Хорошо, — сдался он. — Выезжаем завтра на рассвете. Возьмём мою машину.

На том и порешили. Лиза ушла к себе, а Алексей ещё долго сидел на кухне, разглядывая схему проезда. Деревня называлась Глухие Борки. Название как нельзя лучше соответствовало ситуации. Он чувствовал, что завтрашний день станет переломным. Там, в глуши, вдали от вездесущих камер и микрофонов, он, возможно, получит ответы. Или, по крайней мере, поймёт, в каком направлении двигаться дальше.

Утро следующего дня выдалось ясным и морозным. Первые настоящие заморозки этой осенью. Лужи на асфальте затянуло тонким, хрустящим ледком, а выхлопные газы машин стелились по земле белыми клубами. Алексей завёл свой старенький внедорожник — «Ниву» ещё тех времён, когда машины не пичкали электроникой, делающей их уязвимыми для цифрового контроля. Машина чихнула, зафырчала, но завелась. Её надёжность была проверена годами.

Лиза вышла из подъезда, закутанная в тёплый пуховик, с рюкзаком за плечами и термосом в руках.

— Кофе взяла и бутерброды, — сообщила она, забираясь на пассажирское сиденье. — Ехать, судя по навигатору, часов семь. Если не будем петлять.

— Навигатор выключим, — сказал Алексей, трогаясь с места. — Поедем по карте. Бумажной.

Лиза удивлённо подняла бровь, но спорить не стала.

Они выехали из города по пустынным, ещё не забитым пробками улицам. Москва просыпалась, но её пробуждение было суетливым и каким-то злым. Потоки машин, спешащие пешеходы, светящиеся витрины — всё это осталось позади, когда они свернули на федеральную трассу и взяли курс на северо-запад.

Первые пару часов ехали молча. Алексей был погружён в свои мысли, а Лиза то дремала, убаюканная мерным гулом двигателя, то смотрела в окно на проплывающие мимо поля, перелески, деревеньки. Природа за городом была по-осеннему унылой, но в этой унылости чувствовалась какая-то честность. Никакой фальши, никакого цифрового глянца.

— Пап, — вдруг заговорила Лиза, отвинчивая крышку термоса. — А ты веришь? Ну, в то, что слышал?

Алексей покосился на дочь. Он рассказал ей всё. И про голос, и про идентификатор, и про страшные слова о бесконечном техподдержании. Скрывать что-то теперь было бессмысленно.

— Не знаю, — честно ответил он. — Я знаю, что слышал её. Это не было галлюцинацией. Техники потом говорили, что была какая-то аномалия, мощный всплеск. Но объяснить не могли. Списали на сбой. Но я-то знаю — это была она.

— Двадцать лет... — задумчиво произнесла Лиза. — Я её почти не помню. Мне же всего три года было, когда она умерла. Только обрывки: запах духов, руки тёплые, колыбельная... Как же так получилось, что она оказалась там? В этом облаке?

— Вот это мы и должны выяснить, — твёрдо сказал Алексей. — И вытащить её оттуда.

— А если это правда ад? — тихо спросила Лиза. — Если те слова — не метафора? Что, если души действительно страдают?

Алексей промолчал. Он и сам думал об этом. Постоянно. Образ матери, запертой в бесконечной цифровой пытке, не давал ему покоя, жег изнутри. Но он гнал от себя эти мысли. Сначала — найти. Потом — вытащить. А уж потом — разбираться, что делать с открывшейся правдой.

Часы тянулись, как резина. Дорога становилась всё хуже: после поворота с трассы началась разбитая асфальтовая колея, потом — грейдер, а последние двадцать километров они тащились по замёрзшей грунтовке, подпрыгивая на ухабах и молясь, чтобы не пробить колесо. Вокруг стоял густой, смешанный лес. Берёзы, осины, тёмные, почти чёрные ели. Места были глухие, малолюдные. Деревни попадались редко и производили гнетущее впечатление: покосившиеся избы, заколоченные окна, ржавые остовы сельхозтехники на заросших бурьяном полях.

Наконец, когда солнце уже начало клониться к закату, окрашивая небо в розовато-оранжевые тона, они въехали в Глухие Борки. Это была не деревня даже, а так — несколько домов, прилепившихся к берегу замёрзшего озера. Жилых, судя по дымку из труб, было всего два или три. Остальные стояли с тёмными, слепыми окнами.

Нужный им дом отыскался на самом отшибе, почти на опушке леса. Это был старый, крепкий сруб, обнесённый высоким забором из неструганых досок. Ворота были заперты. Никаких признаков электричества или связи: ни проводов, ни спутниковых тарелок. Только тишина и запах печного дыма.

Алексей заглушил двигатель и вышел из машины. Тишина, навалившаяся на него, была почти осязаемой. Такой тишины он не слышал никогда. Даже в самые глухие ночные часы в городе всегда был какой-то звуковой фон. Здесь же — ничего. Лишь далекий стук дятла и едва уловимый скрип старой сосны под ветром.

— Ну и глушь, — прошептала Лиза, вылезая следом.

Алексей подошел к воротам и постучал. Тяжело, гулко. Стук эхом разнёсся по двору. За забором послышалось хриплое, требовательное гавканье собаки. Потом голос — старческий, но властный — прикрикнул на пса. Шаги. Скрип снега под валенками. Лязг засова.

Калитка приоткрылась, и на пороге показался профессор Кравцов.

Он оказался именно таким, каким его рисовало Алексею воображение: высокий, сухощавый старик с копной совершенно седых, взъерошенных волос, которые обрамляли его лицо, словно львиная грива. Глаза — живые, пронзительные, светло-серые, смотрели оценивающе и настороженно. Одет он был в ватник и валенки, но даже в этой деревенской одежде в нём чувствовалась профессорская выправка.

— Вы кто такие? — вместо приветствия рявкнул он. — Сказано же было: интервью не даю, журналистов на порог не пускаю! Если вы из «Мнемоса», можете сразу убираться восвояси. У меня ружьё заряжено.

— Виктор Павлович, — выступила вперёд Лиза. — Вы меня не помните? Я Елизавета Никифорова, ваша студентка. Исторический факультет, курс лекций по истории информационных технологий.

Профессор прищурился, вглядываясь в её лицо. Суровость на его лице немного смягчилась.

— Никифорова... Лиза? Та, что писала работу о роли дезинформации в эпоху раннего интернета? Помню. Работа была дельная. Что ж ты, Никифорова, здесь делаешь? И кто этот хмурый человек с тобой? Твой отец? Похож.

— Это мой отец, Алексей Николаевич, — кивнула Лиза. — Он работает в «Мнемосе». Оператором.

При этих словах взгляд Кравцова снова стал жёстким, как кремь. Он перевёл его на Алексея, и в этом взгляде читалось нескрываемое презрение.

— Вот как. Из «Мнемоса», значит. С чем пожаловали, господин оператор? Пришли статистику мозги пудрить? Или, может, пришли по мою душу? В прямом смысле этого слова?

— Мы пришли за помощью, Виктор Павлович, — спокойно сказал Алексей, выдерживая его взгляд. — И за правдой. Мне кажется, вы — единственный, кто может нам её рассказать.

— Правду? — Кравцов хрипло рассмеялся. — Правду все хотят знать. Только вот, когда узнают, локти кусают. Правда — она как серная кислота. Разъедает всё, к чему прикасается. Особенно вашу хваленую «цифровую вечность».

— И всё же, — настаивал Алексей. — Дело касается не просто корпоративных секретов. Дело касается моей матери. Она умерла двадцать лет назад. И вчера я слышал её голос в эфире «Серафима».

Кравцов замер. Его пронзительные глаза впились в лицо Алексея, сканируя, оценивая, пытаясь уловить фальшь. Он долго молчал, и только его пёс, крупная кавказская овчарка, тихо ворчал за его спиной, чуя напряжение хозяина.

— Матери, говоришь... — наконец глухо произнес профессор. — Двадцать лет назад... Это до эпохи «Серафима». Намного до. — Он отступил на шаг, распахивая калитку шире. — Заходите. Только быстро. И без глупостей. Джек, фу! Свои.

Овчарка перестала рычать, но продолжала сверлить незваных гостей подозрительным взглядом.

Алексей и Лиза прошли во двор. Здесь царил идеальный порядок. Аккуратно сложенные дрова, расчищенные от снега дорожки, крепкие хозяйственные постройки. Видно было, что профессор, несмотря на отшельничество, не опустил, а вёл хозяйство с обстоятельностью старой закалки.

Внутри дом оказался просторным и уютным. Большая русская печь, занимавшая полкомнаты, источала сухое, приятное тепло. Пахло деревом, сушёными травами и табаком. Вдоль стен — стеллажи, забитые книгами. Не планшетами, не ридерами, а самыми настоящими бумажными книгами. Ими были заставлены все полки, ими были завалены стол и подоконники. На столе, среди книжного хаоса, лежали исписанные от руки листы бумаги и старые, ещё механические чертежи.

— Присаживайтесь, — Кравцов указал на лавку у стола. — Чаю хотите? На травах. Кофеина нет, нервы берегу.

— Не откажемся, — кивнул Алексей.

Профессор засуетился у печи, ставя старый, закопчённый чайник. Лиза с любопытством разглядывала чертежи на столе. Это были схемы каких-то замысловатых устройств, напоминающих антенны, окружённые концентрическими кругами. Подписи были сделаны от руки, убористым профессорским почерком.

— Что это? — спросила она.

— Не трогай, — не оборачиваясь, бросил Кравцов. — Это — моя защита. Единственное, что не даёт им добраться до меня.

— Им? — переспросил Алексей.

— Им. Тем, кто живёт в облаке. Цифровым призракам. Или, как я их называю, «энграммам». Не думайте, что если вы уехали из города и отключили навигатор, то за вами не следят. Следят. Всегда. Везде. Даже здесь. Но сюда они пробиться не могут. Пока не могут. Благодаря вот этому, — он махнул рукой в сторону чертежей, расставляя на столе глиняные кружки с дымящимся чаем.

— Расскажите нам, — подался вперёд Алексей. — Вы говорили про «цифровых призраков». Про то, что облако — это тюрьма. Это правда?

Кравцов сел напротив, взял свою кружку, подул на чай и долго молчал, глядя в окно, за которым сгушались сумерки. Когда он заговорил, его голос звучал глухо, как голос человека, несущего непосильную ношу знания.

— Правда, молодой человек, гораздо страшнее, чем вы можете себе представить. Я посвятил тридцать лет изучению информационных структур. И то, что я обнаружил в недрах «Мнемоса», перевернуло моё сознание. Вы думаете, «Серафим» просто записывает личность? Нет. В момент записи происходит квантовый коллапс. Сознание, которое вы записываете, — это не

копия. Это — оригинал. Вы умираете, и ваша душа, ваша сущность, всё, что делает вас вами, — переселяется в машину. А тело остаётся пустой оболочкой. Но дело не только в этом. Дело в том, что происходит дальше.

— А что происходит дальше? — шёпотом спросила Лиза.

— Дальше начинается ад. Ваша личность, заключённая в цифровой код, остаётся в полном сознании. Но она лишена всего. Тела, органов чувств, возможности взаимодействовать с миром. Единственное, что у неё остаётся, — это память и способность к саморефлексии. И эта способность запускается в бесконечный цикл. Вы вынуждены бесконечно переживать свою жизнь, свои воспоминания, свои ошибки. Без сна. Без отдыха. Без возможности остановиться. Потому что код, поддерживающий ваше существование, требует постоянной нейронной активности. Это — принцип энтропийной батареи. Вечный двигатель, работающий на человеческом страдании.

Алексей почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он вспомнил слова матери. «Здесь — ад, состоящий из бесконечного техподдержания самого себя». Теперь эти слова обрели плоть. Жуткую, отвратительную плоть.

— Но зачем?! — воскликнула Лиза. — Зачем создавать такую систему? Неужели только ради энергии?

— Энергия — лишь приятный бонус, — горько усмехнулся Кравцов. — Главная цель — контроль. Подумайте сами. Правительства, корпорации — они всегда мечтали о контроле над населением. А что может быть лучше, чем контроль над самой душой? Над посмертием? Вы создаёте религию, основанную на технологии. Вы обещаете людям вечную жизнь. И они сами, добровольно, отдают вам свои души. А потом вы делаете с ними что хотите. Хотите — запрёте в одиночной камере сознания. Хотите — запустите в симуляцию, полную страданий. Хотите — сотрёте. Но стирание происходит редко. Потому что каждый стёртый слепок — это потерянная единица энергии. Им выгодно, чтобы души существовали. Вечно.

— Но ведь есть же те, кто пользуется пакетами «Люкс», — возразил Алексей. — Им обещают рай, индивидуальную симуляцию...

— Ложь! — резко перебил его профессор. — Всё это — ложь. Я изучал логи системы. Нет никаких «индивидуальных раев». Есть общий, усреднённый алгоритм, который генерирует однотипные симуляции на основе наиболее частых воспоминаний. Но сознание, помещённое туда, быстро распознаёт фальшь. Оно начинает бунтовать. И тогда его помещают в изолятор. В «нулевой уровень». В бесконечный цикл саморефлексии. В одиночество.

— Нулевой уровень, — эхом повторил Алексей. — Вы знаете, что это такое? Как туда попасть?

Кравцов посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. В его глазах зажёгся огонёк интереса, смешанного с подозрением.

— Зачем тебе это? — спросил он, впервые переходя на «ты».

— Моя мать, — твёрдо сказал Алексей. — Она там. И она попросила меня не дать загрузить её в облако. Но она уже там. Я должен вытащить её.

— Вытащить? — Кравцов горько рассмеялся. — Вытащить душу из «Мнемоса»? Это невозможно. Это всё равно, что вытащить каплю чернил из океана. Даже если ты найдёшь её идентификатор, даже если каким-то чудом получишь доступ к архивам нулевого уровня... что ты будешь делать дальше? Удалить её? Но удаление — это окончательная смерть. Абсолютное небытие. Ты готов пойти на это?

— Я готов сделать то, о чём она просила, — ответил Алексей с холодной решимостью. — Если её существование там — ад, то небытие будет избавлением. Но для начала я должен найти её и понять, как это сделать.

Профессор встал и подошел к одному из стеллажей. Порывшись, он вытащил старую, потрёпанную папку с надписью «НУ-0. Схемы доступа».

— Вот, — он бросил папку на стол. — Здесь всё, что я знаю об архитектуре нулевого уровня. Это закрытый сегмент облака, физически изолированный от основной сети. Он расположен на автономных серверах, спрятанных где-то в Сибири, в бывшем военном бункере. Доступ туда возможен только через специальный терминал. И этот терминал находится в центральном офисе «Мнемоса» в Москва-Сити. На сто пятидесятом этаже.

— Прямо в логове зверя, — прошептал Алексей.

— Именно. Охрана там серьезнее, чем в Кремле. Биометрические сканеры, нейронные замки, автономный ИИ безопасности. Даже если ты проникнешь внутрь, тебе понадобится высший уровень доступа. А-класс. Или S-класс. Такой доступ есть только у членов Совета директоров.

— И как же его получить? — спросила Лиза.

— Украсть, — просто ответил Кравцов. — Или скопировать. Для этого тебе нужен человек, который работает в системе безопасности «Мнемоса». И не просто человек, а тот, кто имеет физический доступ к биометрическим сканерам Совета директоров.

Алексей вспомнил о Димке Соболеве. Тот работал именно в системе безопасности. И он исчез. Возможно, он что-то узнал. Что-то, что заставило его бежать.

— У меня был такой знакомый, — сказал Алексей. — Но он пропал. Полгода назад.

— Пропал? — Кравцов нахмурился. — Или его убрали? «Мнемос» не церемонится с теми, кто слишком много знает. Если твой знакомый что-то обнаружил, его могли ликвидировать. Или запереть в том самом облаке, которое он охранял. Ирония судьбы, не правда ли?

От этой мысли Алексею стало не по себе. Он представил Димку, весельчака и балагура, запертого в вечной камере одиночного сознания, и содрогнулся.

— Я должен найти его. Или хотя бы узнать, что с ним случилось.

— Это опасно, — предупредил Кравцов. — Очень опасно. Как только ты начнёшь копать глубоко, они это заметят. Твоя активность в сети, запросы, даже твои мысли — всё это под колпаком. Ты пока на поверхности, поэтому ты им неинтересен. Мелкая сошка, оператор. Но как только ты приблизишься к тайне нулевого уровня, тебя уничтожат. Без колебаний.

— Пусть так, — отрезал Алексей. — Я не могу сидеть сложа руки, зная, что моя мать страдает. Лучше я погибну, пытаясь её спасти, чем проживу остаток жизни с этим грузом.

Профессор долго смотрел на него, потом перевёл взгляд на Лизу, которая сидела бледная, но решительная.

— Твоя дочь, — сказал он Алексею. — Ты понимаешь, что ставишь под удар не только себя, но и её?

— Я её предупреждал, — глухо ответил Алексей. — Но она взрослый человек. И сама приняла решение.

— Я с отцом, — твёрдо сказала Лиза. — До конца.

Кравцов вздохнул, покачал головой, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Ладно. Безумству храбрых поём мы песню... — процитировал он. — Слушайте меня внимательно. Я дам вам не только схемы доступа к нулевому уровню. Я дам вам кое-что ещё. — Он снова подошел к стеллажу и извлёк оттуда небольшой металлический цилиндр, похожий на футляр для сигар. — Это — электромагнитный излучатель. Моя собственная разработка. Он генерирует поле, которое на короткое время дестабилизирует работу нейроинтерфейсов. Проще говоря, он вырубает «Серафимы». Все, в радиусе ста метров. На людей не действует, только на чипы и сетевые протоколы «Мнемоса». Если окажетесь в безвыходной ситуации — активируйте. Это даст вам фору в несколько минут.

Алексей осторожно взял цилиндр. Он был тяжёлым, холодным на ощупь и, казалось, слегка вибрировал.

— Спасибо, Виктор Павлович.

— Не благодари пока, — отмахнулся профессор. — Это оружие — палка о двух концах. Как только ты его используешь, «Мнемос» мгновенно засечёт аномалию. И на тебя спустят всех собак. Поэтому используй только в самом крайнем случае.

Оставшийся вечер они провели за изучением схем, которые предоставил Кравцов. Профессор подробно объяснил устройство центрального офиса «Мнемоса», систему охраны, слабые места. Лиза конспектировала, задавала уточняющие вопросы. Алексей слушал, запоминал, анализировал. Его мозг, уставший от многолетней рутины, сейчас работал с чёткостью хорошо смазанного механизма.

Когда совсем стемнело, Кравцов настоял, чтобы они остались на ночлег. Ехать обратно по ночной замёрзшей дороге было бы чистым самоубийством. Им постелили в маленькой комнатке с печкой. Лиза, вымотанная долгой дорогой и обилием информации, уснула почти мгновенно. Алексей же долго ворочался, глядя в тёмный потолок. В его голове роились планы, один фантастичнее другого.

Он думал о том, как проникнуть в самое сердце «Мнемоса». О том, как найти Соболева или его следы. О том, как добраться до терминала нулевого уровня. И о матери. Её голос, её мольба о помощи теперь звучали в нём постоянно, не затихая ни на минуту. Это был камертон, по которому он настраивал всю свою дальнейшую жизнь.

Где-то за стеной скрипнула половица. Профессор, судя по звукам, тоже не спал. Ходил, что-то бормотал, шуршал бумагами. Станный он был человек. Одержимый. Но именно такие, одержимые, и способны докапываться до истины, которую тщательно скрывают сильные мира сего.

Утром, когда серый рассвет только начал разгонять ночные тени, они собрались в обратный путь. Кравцов вышел проводить их до калитки. Вид у него был усталый, но удовлетворённый. Словно он сбросил с плеч часть своего тяжкого знания.

— Будьте предельно осторожны, — сказал он на прощание. — Не доверяйте никому. Даже тем, кто кажется союзником. «Мнемос» умеет создавать очень убедительные ловушки.

— Спасибо вам, Виктор Павлович, — Лиза неожиданно обняла старика. — За всё.

— Не стоит, — смутился профессор. — Я делаю это не ради вас. Я делаю это ради истины. И ради тех несчастных, которые томятся в цифровом аду. Если у вас получится, если вы сможете хотя бы приоткрыть завесу тайны... это будет началом конца для «Мнемоса». А значит, моя жизнь прожита не зря. — Он повернулся к Алексею. — И запомни: когда будешь искать мать, ищи идентификатор по тому коду, что она тебе дала. 3-9-1-А. Это не просто цифры. Это ключ. Он открывает доступ к резервному сегменту. Почему она его знала — загадка. Но раз знала, значит, у неё там, в цифре, сохранились остатки воли и сознания. Это большая редкость.

— Я найду её, — пообещал Алексей.

Они сели в машину. Двигатель завёлся, и «Нива», хрустя замёрзшей грязью, покатила прочь от Глухих Борков. Алексей смотрел в зеркало заднего вида, и фигура профессора, стоящего у ворот с поднятой в прощальном жесте рукой, становилась всё меньше и меньше, пока не исчезла за поворотом.

Впереди лежала дорога в Москву. В логово зверя. Начинался самый опасный этап их расследования. Этап, который должен был привести их прямо в пасть к цифровому Молоху. И Алексей чувствовал, как с каждым километром, приближающим их к городу, воздух вокруг сгущается, наполняясь незримым присутствием. Голоса за левым плечом становились громче. Они шептались, стонали, звали на помощь. Но голос матери среди них пока молчал.

Он ждал своего часа. И Алексей должен был сделать всё, чтобы этот час настал.

Глава 3. Логово цифрового Молоха

Обратная дорога в Москву заняла почти восемь часов. Алексей вёл машину молча, сосредоточенно вглядываясь в серую ленту трассы, а Лиза, утомлённая пережитым, дремала на пассажирском сиденье, привалившись головой к холодному стеклу. Полученная от профессора Кравцова информация тяжелым грузом осела где-то глубоко в сознании, не отпуская, пульсируя, словно заноза под кожей. Цифровой ад. Бесконечная пытка. Мать, запертая в этом кошмаре и каким-то чудом сумевшая до него докричаться. Всё это не укладывалось в голове, сопротивлялось привычной логике, но Алексей знал — это правда. Самая страшная правда в его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.